

СОЛАНОВ И КАМЕНЬ

ЕВГЕНИЙ ИЛЬИЧЕВ

Евгений Ильичев

Славушка и соляной камень

«Автор»

2023

Ильичев Е. Ю.

Славушка и соляной камень / Е. Ю. Ильичев — «Автор», 2023

Двенадцатилетний мальчик Славушка с нетерпением ожидает своего дня рождения. Он мечтает стать рекрутом Великого Князя Ворона - только так из мальчика он превратится в доброго воина. Но все его мечты о ратных подвигах разбиваются о волю отчима. Князь Родослав не желает видеть тщедушного и слабого пасынка на ратной службе. Славушке велено учиться на картографа. Ни воевода, ни сам Славушка не знают, что в жилах мальчика течет кровь самого бога Рода. За Славушкой тайно приглядывает ведунья Маланья. Она докладывает суровому колдуну Гофрину о том, что по земле севера бродит потомок прародителя всего сущего. Хранитель врат в Гиперборею не разделяет мнения ведуньи, но все же соглашается испытать Славушку и дать отроку шанс проявить себя. Славушке предстоит преодолеть долгий путь от слабого отрока до великого мага - защитника врат в таинственную Гиперборею. Боги и злые духи, сражения и магия, вечный спор добра и зла - все это ждет маленького сироту на его пути к правде о своем рождении.

© Ильичев Е. Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгений Ильичев

Славушка и соляной камень

Глава 1

Последний переход был самым изнурительным. Высокий худощавый старик со спутанной седой бородой до пояса стоял у кромки леса. Опираясь на свой корявый посох, вглядывался он в густые сумерки. Там, в низине, куда устремился взор путника, на лысоватой поляне возвышалась крошечная бревенчатая застава звездчатой формы. Пять сторожевых башенок – по одной на каждый луч заставы-звезды – уже осветились сигнальными огнями. Вокруг заставы была видна широкая лента рва, заполненного водой. От кольца водной преграды в разные стороны отходило пять полноводных каналов. Зеркальная гладь этих стоаршинных водных нитей сотнями бликов отражала свет сигнальных огней крепости. В сумерках казалось, что там внизу не крепость расположилась, а настоящая звезда. Упала в незапамятные времена с неба, да так и осталась лежать здесь, на окраине суровой северной страны Бореи.

Внутри самой крепости тоже занимались огоньки. Старик плотнее укутался в свою черную мантию и улыбнулся вымученной улыбкой. Больше месяца он был в пути и за все это время не видел ни единой живой души. Только древний тракт, вымощенный огромными валунами, да непролазная тайга были его спутниками. А там внизу кипела жизнь: курились избы и бани, слышался лай собак и окрики пастухов, загонявших внутрь крепости заплутавшую в тайге скотину. Старик потянул воздух своим крючковатым носом и ощутил терпкий дух человеческого быта. Крепость готовилась вечерять.

«Добрался...» – подумал путник, наблюдая за тем, как медленно поднимается тяжелый мост через ров. Через минуту до слуха старика донесся и лязг тяжелых засовов: до утра крепость будет отрезана от остального мира.

«Что ж, теперь можно и о ночлеге подумать», – решил старик и хотел уже было вернуться под сень деревьев, как вдруг услышал знакомый свист крыльев. Не отводя цепкого взгляда от крепости, он вытянул руку в сторону, и в то же мгновение огромная белоснежная сова с бодрым клекотом вылетела из леса и села на крепкую длань старика.

– Итак, – вслух произнес колдун, – мы на месте. Ты уверена, что мальчик живет именно тут?

– Обижаете, хранитель Гофрин, – человеческим голосом ответила птица. – Я за ним уже семь лет наблюдаю. Я почти уверена, что это тот самый мальчик.

– Почти? – нахмурился старик. – Я проделал огромный путь, ведунья. Оставил без присмотра врата – и все из-за твоих домыслов?

На самом деле хранитель врат лукавил. Уходя в дальний поход, он наложил на врата все доступные ему заклинания – там и комар не пролетит нынче. Ко всему прочему, сам вход охраняли сразу две стаи зачарованных волков. Звери и сами толком не понимали, почему они не покидают тот скальный утес. Гофрин переписал их природу, и теперь единственным, что имело для лютых охотников смысл, была беззаветная охрана врат от всякого чужака. Пришлось изрядно потратиться, защита врат выжала из него все до капли. Именно поэтому идти пришлось пешим порядком.

– Вы лучше меня знаете предание, – бесстрастно ответила сова. – Потомок Рода может проявить себя лишь на тринадцатую зиму после своего рождения. Сейчас мальчику двенадцать зим и десять лун, и он уже сияет силой Рода. Но моя сила с Вашей, хранитель, ни в какое сравнение не идет. Я не могу быть полностью уверена, что это именно ТОТ мальчик.

– Так и вызвала бы меня через год, к чему такая спешка? – хранитель с трудом сдерживал досаду. Глупая птица вызвала его раньше срока, не убедившись в том, что кандидат действительно обладает способностями. Сколько их было таких? Силой переполнены, а раскрыться не могут. У великого Рода по всей земле рассыпано огромное число потомков, но лишь прямой отпрыск правителя северных земель мог обладать истинным потенциалом мага.

– Есть одна проблема, хранитель. Борейцы вот уже пятый год воюют с финнами, – сказала сова. – Все здоровые мальчики по достижении тринадцати зим отправляются в столицу Бореи на смотр и чаще всего рекрутируются в войска. Боюсь, мы можем упустить его.

– Так ведь там и упускать-то, возможно, нечего.

– Не торопитесь с выводами, хранитель. Просто взгляните на него и сами все поймете.

– Ну что ж, – сдался старик, – завтра представишь мне его. Какое, говоришь, у него послушание?

– Картограф он, хранитель, но грезит войной и подвигами ратными, как, впрочем, и все мальчишки его возраста.

– А воспитывает его кто?

– Родослав, князь-воевода местный.

– Воевода? – нахмурился старик. – А сына в картографы определил... Странное дело.

– Не без моего внушения, – хихикнула сова и пояснила. – Больно мальчик хилым вырос. Лишь я видела, какой силой он обладает.

– Сила во многих течет, но не многие ею пользоваться могут, – возразил хранитель.

– Правда ваша, но я решила перестраховаться и помыслы его отчима в мирное русло направила. Несложно было. Мать ребенка в родовой горячке сгинула, один лишь Славушка и остался у воеводы да сестрица его. Вот Родослав и бережет сына в память о любимой.

– Славушка, говоришь? – старик наконец отвел взгляд от крепости и строго посмотрел на сову. – Ладно, ведунья, проводи меня к себе, нет желания в лесу ховаться. Завтра посмотрим на этого Славушку, и быть тебе ошипанной, коль зря меня сюда вызвала.

Глава 2

– Вот ты где, паршивец!

Суровый окрик отчима будил не хуже ушата колодезной воды. Славушка мгновенно проснулся и, еще туго соображая со сна, попытался выскользнуть из-под телеги, где ночевал. Не рассчитав в потемках траекторию, здорово приложился лбом об оглоблю, аж искры из глаз брызнули, да так и рухнул обратно под телегу.

– Нет уж, – пробасил отчим, схватив пасынка за ухо, – на сей раз не улизнешь, негодник! Я тебе какое послушание давеча назначил?

– Ай-яй-яй! – заверещал Славушка, следуя за властной рукой воеводы. Ухо горело уже нестерпимо.

– Тебя вчера писарь отрядил правый берег Волыни описывать, а ты, шельма, куды убег?

– Нездоровилось мне, батя! – заныл шуплый мальчуган, стараясь поспеть за отчимом, а то иначе можно было и уха лишиться. Казалось, замешкайся он хоть на секунду, и бедное его ухо так и останется в стальных пальцах князя.

– Нездоровилось? Так к бабке Вайке шел бы. Так мы же оба знаем, не был ты у старухи. Так где же ты, подлец, шатался?

– Нигде, батя, тут я был, в хлеву. Лихорадило меня!

– Вот я тебя высеку, ужонок, за брехню! – пригрозил отчим. – Мало того, что пригоршню свечей украл, так еще и врать мне удумал?! Ну, погоди у меня! Месяц портки надеть не сможешь!

– Не вру я, батя! – взмолился Славушка. – Не секи меня, я сегодня все-все сделаю!

– Ааа, уже не лихорадит? Тебя за лугом видели вчера, на сборы ты приходил, на палках дрался с рекрутами. А потом, небось, до утра книжки свои читал о подвигах?

Отпираться было себе дороже – сдали Славушку с потрохами. Отчим наконец ухо отпустил и шел теперь привычным аршинным шагом к себе в приказ. Мальчик семенил рядом, тер ладонью огнем горящее ухо и вымаливал прощение.

– Не хочу я, батя, картографом... Не люблю мне это. Я как ты хочу, в походы, на войну!

– Да тебя соплей ведь перешибить можно! – резко обернулся князь. – Куды тебе в походы? Не дал тебе Род силы, так служи, как велено, как можно служи. И без подвигов люди пользу могут приносить.

– Да какая ж там польза, холмики да речки на бересте малевать? Любая девка справится.

– У девок своих забот полно, и крепко я сомневаюсь, что ты хотя бы половину их дел сдюжишь. А тебе я место теплое уготовил, от князя великого берегу, а ты на палках... И ладно еще, если получалось бы, так ты же битый постоянно ходишь! Мальчишек старших задираешь... Что ж ты думаешь, мне не докладывают? Али глаз у меня нет? Ты, вона, весь в синяках!

– А как я иначе ратному делу обучусь, коль ты меня не учишь? – обиделся Славушка.

Воевода прогромыхал своими сапожищами по лестнице, ураганом пронесся по сеням приказа, зашел в горницу и грузно рухнул на дубовый стул. Рукой голову подпер и уставился на пасынка. Тот стоял перед ним, ухо свое тер и хоть бы вид подал, что страшно ему или больно. Вот же наградила матушка характером!

– И что мне с тобой делать? Что бы мать твоя сказала?

Знал князь, как на Славушку надавить, и частенько пользовался этим. Память о матери он пасынку вбил в голову здорово, намертво вбил. Отрок хоть и без ласки материнской вырос, да только совестно ему всегда было, как ее именем поучать принимались.

– А ничего бы не сказала, – угрюмо ответил Славушка, уже понимая, что проиграл. – Добрая она, говорят, была.

–Добрая – не то слово, – тепло улыбнувшись, ответил воевода. – Ты про мать-то часто от людей слышишь и даже в голову не берешь, отчего. А она всем тут помогала. Каждого своею силой коснулась. Кому не шепнет с утра на ухо заговор, всё у того в этот день спорится, всё ладится. Какая охота тогда была – кому скажешь, не поверят. Сколько рыбы в силки рыбаки наши вылавливали! Ты бы хоть постеснялся желаний своих. Памяти ее ради постеснялся бы. Никому она зла не желала. Никогда и никому, слышишь! Ни другу, ни недругу. А ты все о своем: ворогов бить, в дружину, в дозор, на разведку... Ты думаешь, человека вот так запросто изничтожить можно? Тут иной охотник животину слабую стрелять не станет, пожалеет. А то человек.

– Так не человек, батя, я ворогов бить желаю! – востепеннулся Славушка.

– Любой враг – в первую очередь человек. Как ты и я. У каждого мать, отец есть. Никто из капусты не появился еще. Люди они, понимаешь? Чтобы человека к Маре отослать, знаешь, через что перешагнуть надобно?

Славушка только головой светлой покачал.

– Через что?

– Через себя, сын, – горько ответил Родослав. – Сперва себя надо погубить.

– И что в том страшного? – не понял мальчик. – Гляжу на тебя, на сотников наших. Никто не мается, никого Полуночница не терзает.

– Тьфу на тебя!

Воевода и впрямь сплюнул на пол и замолчал. Поднял взгляд тяжелый на пасынка, увидел его глаза обиженные да так и потонул в них. Часто он Лесю вспоминал, мать Славушкину. Крепко он любил ее, ох, как крепко. Оттого и мальчика, сына ее, как родного воспитывал. Уберечь от огня вражеского хотел, от меча острого, от стрелы меткой. Умирала Леся в муках, сестру Славушкину рожая, дочь их общую, да наказывала мужу, чтобы сына ее от беды берег. Как тут его на смотр посылать? И клятву нарушишь, и память женину осквернишь. Да и похож паренек на мать был, ох, как похож, особенно глазами бирюзовыми. Да и характер... Непокорная она была, своенравная, гордая. А до чего мудрая была, хитрая, как лиса. Всё про всех знала, обо всем наперед ведала. Ни полслова мимо правды-истины грядущей не сказала – всё и всегда в точку. Знала и про смерть свою скорую. Призналась в горячке родовой, что сон о гибели своей скорой видела. Но больно уж ему, Родославу, угодить хотела, очень он от Леси сына общего желал. А получилась девка. Ладная, красивая, да только копия он, Родослав. Ничего, кроме рыжей охапки волос, от матери не переняла. Спокойная и рассудительная Маресья вся в отца пошла. Сперва десять раз подумает, а уж после дело делает. Родослав такой же был. Очертя голову в гущу событий никогда не кидался. Взвесит все, как следует, посоветуется с людьми знающими, коль ситуация того требует, а после только решение принимает. Оттого и сражений множество выиграл, была у него жилка стратега. Читал он и врага, и всю ситуацию в целом да наперед предсказывал, как оно что будет. Загодя знал, как поступить следует.

Лесю с годовалым Славушкой на руках Родослав в тайге встретил двенадцать зим назад. Жила себе она в самой чаще. Травы собирала, зверей привечала. По какой-то особенности своей любого зверя могла приручить. Ни медведя не боялась, ни волка. Любой зверь к ней с особым почтением относился. Князь Лесю во время охоты нашел, а вернее, это она его нашла, вепрем разодранного. Свалился он в пылу охоты с коня, да так неудачно, что ногу повредил и подняться не мог. А вепрь, которого Родослав загнать хотел, больно дикий оказался. Почуял зверь силу за собой да как накинется на своего обидчика. Воевода тогда от вепря ножом отбивался, всю шкуру кабана попортил. Да разве с ножом супротив вепря устоять? И растерзал бы он Родослава, если бы Леся из лесу не вышла да не шепнула зверю слова какие-то хитрые. Кабан тот еще с минуту побуйствовал, а потом взял да и сбежал. А князя Лесю тогда выходила. В избушку к себе кое-как дотащила и раны глубокие травками да шепотками заговорила.

Оказалось, жила одна с ребенком. Лесом жила, им кормилась, им травничала. Любила лес безмерно, и лес ее любил. Ни комар, ни мошка ее не трогали. Змеи стороной оползали, а иные лютые звери еще и службу служивали. Откуда сама, чей ребенок, Леся рассказывать отказалась. Нет, мол, никого у меня, и все тут. Одна я всю жизнь, да вот Род послал счастье – Славушкой зовут.

Родослав тогда у Леси в хижине неделю провел. Да так эта неделя изменила молодого воеводу, что пропал он, влюбился без памяти в девушку. Да и она ему благоденствовала. Люб ты мне, воин, говорила, сердце у тебя чистое, хоть и сухарь сухарем. Так и взял он Лесю себе в жены. Ни молвы, ни сплетен не побоялся – как есть, с ребенком взял и ни дня после не пожалел.

– Вот что, сын, – промолвил наконец воевода. – Воли матери твоей послушаться даже я не смел. И тебе не позволю. О ратной судьбе своей забудь раз и навсегда. Учиться будешь мирному ремеслу. А не станет меня, сам себе путь-дорогу выберешь. Я все сказал. А теперь к писарю ступай да все отработай, что пропустил. Увижу с палкой или с ножами – как есть высеку, не посмотрю, что сраму оберешься. Понял меня?

– Понял, бать, – угрюмо ответил мальчик и поплелся исполнять волю отчима.

Глава 3

Утро в это время года занималось скоро. Только еще, казалось, колкие звезды в окно глядели, как перевернешься на другой бок, а петухи уже глотки дерут, животы надрывают. От отца Славушка шел уже под ласковыми лучами солнца, шишку свою на лбу теплу подставляя. Ухо гореть уже перестало – не сильно отец отодрал нынче. Осталась только горечь душевная да обида на отчима. И такой та обида жгучей была, что слезы из глаз сами капали.

– Что я ему, девчонка али юродивый какой? – бубнил вполголоса Славушка. – Меня – да в картографы... Картинки рисовать... Вся крепость засмеет, коль прознает. А звонче всех Ермолка смеяться будет.

С этим Ермолкой, сыном кузнеца, у него были давние счеты. Еще со школы седьмичной невзлюбили они друг друга. Славушка худой был, кожа да кости, а Ермолай этот сызмальства силу в руках имел. Про таких в народе говорят – «кровь с молоком». Даром, что Род этого дубину мозгами обделил, зато с лихвой силушкой компенсировал. Вот Ермолай все, что требовалось ему, силой-то и брал. Вечно слабых да хворых обижал. И не связывался бы с ним Славушка, себе дороже с такими связываться, так повадился сын кузнеца сестрицу его Маресю обижать. То за косу оттягает, то водой на речке обольет, то словом бранным обзовет. Напакостят, значит, Ермолай сотоварищи, а после всем гуртом за животы хватаются. Потешно им. И всегда вокруг того Ермолки мальчишки, что послабее, крутились. Никак Славушка его одного застать не мог для разговора последнего.

Не стерпел такого обращения Славушка да поднаторел этому Ермолке пакости да козни строить. То травы ему тошнотной в кашу подмешает, то растяжку у дома его состряпает. Ермолка с утра по нужде пойдет, на растяжку ту наступит – ему на голову ведро с помоями и выльется. И хорошо, если только с помоями. Не брезговал Славушка и нужник с чужого двора выкрасть да подвязать в качестве кары небесной. Долго Ермолка докумекать не мог, кто ему жизнь так портит. И, что характерно, никак не мог сообразить, за что именно ему прилетает день ото дня. А связь очевидная была. Напакостит Ермолка днем Маресе или еще кому из детишек, так вечером ему уже ответ уготован. Навредит вечером, так сдача утром следует. И так день за днем, неделя за неделей.

Славушка таким манером месяца три над своим обидчиком измывался, пока не попался на горячем. Подкараулил его Ермолка у себя на огороде, когда тот очередную месть готовил. Поймал да и отходил его по ребрам. Парнишка тогда еле до избы своей добрался, чудом жив остался, но от своего не отступился. Так и заступался за сестрицу свою да за других детишек в крепости. В итоге противостояние то переросло в неприкрытую вражду. Взрослые, как прознали о том, вмешались, конечно, и обоим петухам уши накрутили. Но такие меры лишь загнали вражду мальчишечью в подполье. Оба теперь исподтишка действовали, а Ермолка еще и дразниться удумал. Всё Славушку дохляком кликал да с местными мальчишками горделивого пасынка воеводы подначивал. Кричал: «Мы все воинами вырастем, а ты со своей убогой сестрой коров пасти будешь да тряпками заниматься». Обидны были слова такие для Славушки. Все ему хотелось доказать этому Ермолаю, что и он не лыком шит, что и меч ему впору быть может, и седло, и лук тугой.

А что нынче делать, Славушка понятия не имел. Отец-то, чай, не шутит. Не даст он ему ратником стать, как есть, не даст. И заниматься тогда Славушке бабьим делом на потеху Ермолке и сотоварищам его.

Но делать было нечего. Воли отца послушаться было еще бóльшим срамом, да и память материнскую не хотел марать Славушка. Так в думах своих тяжелых и добрел он до крыльца писаря Филарета.

Дед Филарет уже не спал, сидел на крыльце в одних портках да рубахе ночной, перья гусиные точил. Увидел он паренька, угрюмо плетущегося к нему на двор, лукаво подмигнул ему да спросил вместо приветствия:

– Что, ратничек, получил от бати на кренделя?

– Зря вы, дед Филарет, бате на меня донесли, – попенял Славушка. – Я бы и без его приказа к вам сегодня пришел.

– А с чего это ты удумал, что я отцу твоему на тебя донес? Али мне делать больше нечего? Или ты решил, что у бати твоего своих глаз нет? – несурово отбилась от мальчика писарь. – Отец твой – воевода, он всё про всех в крепости ведаёт. Неужто он о пасынке своем правды не узнает?

– А все одно, зря донесли, – упрямыствовал Славушка. – Не мог он прознать, что я у вас не отработывал, коли вы не доложили бы.

– Ты еще поучи меня уму-разуму, щегол, – посуровел дед Филарет. – От горшка два вершка, а все туда же, попрекать старшего. Ты в курсе, что мне отец твой пороть тебя дозволил? Сейчас починю перья да высеку тебя.

– За что, деда?

– Да за дело, внучок, – передразнил Славушку писарь. – Один раз высеку, а опосля еще разочек, чтобы впрок пошло. На будущее, так сказать.

Совестно мальчику стало. Филарет хоть и с чужинкой старик был, но добрый, зла никогда ему не делал. Да и возраст у писаря был таков, что не ему, Славушке, укорять его. Покон велел возраст чтить да мудростью стариков упиваться.

– Прости меня, деда Филарет, – потупил взгляд Славушка. – Просто...

– Судьбу решать свою сам хочешь? – догадался писарь.

Мальчик кивнул.

– А кто тебе сказал, щегол, что судьба твоя в твоих руках?

– А в чьих же она руках? – не понял Славушка. – Коли я сам чего не сделаю, так ничего и не будет сделано. Не так разве?

– Так-то оно так, – согласился Филарет, откладывая последнее перо в кожаную сумку, – да только есть такие вешки в судьбе, которые нам неподвластны. Коль суждено, скажем, сыну кузнеца мечом пудовым махать да голову в рубке славной сложить, так то и есть его судьба. Ему так оно на роду написано. Тебе-то оно зачем?

– Так как же иначе-то? – искренне изумился Славушка. – Коль я не девкой уродился, с чего мне бабской работой заниматься?

– Кем уродился ты, одному Роду известно, – хитро прищурившись, ответил старик. – И не тебе перечить воле его.

– Это вы все верно говорите, деда, – согласился мальчик, усаживаясь на крылечко возле писаря, – да только не приходил ко мне Род, о судьбе моей не толковал со мной. Мне другие о том толкуют. Что вы, что батя мой, что учителя в школе седьмичной.

– Так, и что с того?

– А то, что это все люди – не боги. Человеки они, понимаете? Откуда им знать о том, какую судьбу мне Род уготовил?

Старик весело рассмеялся беззубым ртом.

– А чего ж ты ждал? Думал, выйдешь утром до ветру, а там на задах сам Род стоит, в злате солнца сияет да тебя дожидается? Спешит и спотыкается тебе, непутевому, волю свою передать?

Славушка на этот счет не думал никогда. Конечно, он не так встречу с Родом представлял.

– А как тогда человек о судьбе своей узнать должен?

– Боги на то и боги, что мудры и абы до кого с небес не спускаются, – заметил Филарет. – Они свою волю нам иными способами передают. Про покон слышал?

Славушка кивнул.

– Покон, – решил на всякий случай напомнить писарь, – это свод неписаных законов и правил, что в нашем обществе исполняться должны. И что же велит покон отрокам глупым?

– Чтить отца своего и матушку, – догадался, к чему клонит писарь, Славушка.

– Верно. Через мать, через отца Род свою волю диктует. А коль ты родичей не слушаешься да от судьбы нос воротишь, с чего Роду тебе помогать опосля? Знаешь, сколько добрых молодцев головы сложили, отца-мать ни во что не ставя? Уйма. То-то же.

Славушка не знал, но напрашиваться на поучительные примеры из жизни не стал. Промолчал. Писарь хлопнул себя по коленям, словно вспомнив о чем-то важном, да и встал с крыльца.

– Ладно. Хорош лясы точить. День уж занялся, пора и нам делами заняться. Хватай сумку, перья, бересту да собирайся. Уйдем сегодня далече, аж до самой вечерней зорьки будем берег Волыни писать. Наша задача всю излучину пройти да пометить отмели опасные. Для чего это надобно, знаешь?

– Знать нужно, где ворог пешим порядком переправиться может, а где ему и на конях не перебраться.

– Вот, – довольно протянул писарь, – узнаю своего ученика. Это ты верно заучил. А раз заучил, пора и на деле свои навыки показать. Обожди, переоденусь, харчи возьму да и выдвинемся.

Глава 4

Дед Филарет собрался скоро, Славушка даже ворон на соседней березе не успел сосчитать. Интересно, а чего это они, поганые, в такую рань собрались у дома писаря? И так их много было, что Славушка все со счету сбивался, никак дальше второго десятка продвинуться не мог. А в какой-то момент ему даже показалось, что среди ворон на толстой сухой ветке сова белая затесалась. Ей-богу, огромная белая сова! Сидела себе прямо на ветке, с белым стволом дерева слившись, да глядела, не мигая, прямо на Славушку.

Юный картограф зажмурился, глазам своим не поверив, а когда опять на ту березу посмотрел, уже никакой совы не увидел. Верно, показалось, решил Славушка. Откуда тут сове взяться? Совы – ночные хищники и к людям так близко никогда не подлетают.

Славушка, хоть и жил на отшибе страны, где по полгода царилась ночь, но за всю свою жизнь только два раза настоящих сов и видел, и то лишь мельком да в потемках. Ухнет такая хищница прямо над головой да и скроется за деревьями, поди разгляди ее. Только посвист огромных крыльев хищницу и выдавал.

Тряхнул Славушка головой светлой да и отвернулся от стаи вороньей. Что ему до тех ворон – тут судьба его рушится, на куски, можно сказать, рассыпается. Им-то хорошо, пернатым. Махнули крыльями, покряхтели друг на друга да унеслись, куда вздумается. А Славушке вот прозябать у батки за пазухой.

«А ну их, этих пернатых, к мавкам! – решил Славушка. – Воронам – воронье, а людям – людское».

Мыслями Славушка все к беде своей воротался. Ну как ему отца вразумить, как воеводу строгого надоумить, что не дело сыну воителя доброго портки дома просиживать и по оврагам с берестками ковылять, пни да валуны описывать. Вороги, поди, того только и ждут, что отроки в государстве их Борее от службы ратной бегать начнут да под юбками бабьими хорониться будут. Вот, скажем, он, Славушка, начнет первым, уйдет в картографы. А за его примером сын пекаря последует. Скажет, не хочу я, тятя, в пекари, не любо мне эту муку тягать с мельницы да тесто месить. Пекарь ему зуботычину, конечно, даст, да на сбор князев отправит рекрутом. А тот ни в какую: мол, не мое это дело – мечом острым размахивать. Подумает, на Славушку глядя, и решит сын пекаря стать писарем, скажем, или, того хуже, травничать начнет. Там, глядишь, и сын рыбака Митяя заартачится – мол, негоже ему, такому ладному да складному, руки о чешую рыбою пачкать, сети чинить, лодки смолить. Не хочу, скажет, рыбаком быть. И воином не хочу. Хочу песни девкам сочинять да на гусях по кабакам играти.

«Тьфу!» – плюнул Славушка себе под ноги, картину такую представив. Так противно стало, что аж передернуло.

– Чаво оплевалси, паскудник? Ты землю эту боронил? Али выращивал на ней что, чтобы так поганить кормилицу? Чай, не вемблюд...

– Простите, деда, – Славушка подобрался, ножкой плевков свой в пыль втер да из рук писаря сумку взял. Дед Филарет тем временем заговор на хороший день отчитал Роду и вышел за плетень.

– Надо бы у отца твоего выбрать тебя на лето. Ох, и отучил бы я тебя, паршивца, пакостничать, – журил Славушку писарь, ковыляя по узенькой тропинке в сторону крепостных ворот. Не строго журил, а так, для виду больше. Славушка деда Филарета давно знал, понимал по интонации, когда писарь шутит, а когда взаправду гневается. Сейчас точно беззлобно журил. По-отечески.

– А что это, деда Филарет, за вемблюд такой?

Знал Славушка подход к писарю. Того хлебом не корми, дай историю из жизни рассказать. И все эти истории, как одна, занятные были да складные. Иной раз страшные, но чаще

веселые. Через них старик отроков да отроковниц уму-разуму учил. «Жизню показывал», – так сам Филарет говаривал.

Старик на Славушку обернулся, хитро прищурившись, и рассказ свой начал.

– Вемблюды те – что кони у ратников наших. Да только страшные больно и плевать на горазды. Колючку что капусту есть могут. Неприхотливы они и на поряд выносливей самого могучего коня.

– Да как же такое вообще возможно? – искренне удивился Славушка. – Было б так, князь великий уже все свое войско на этих вемблюдов пересадил бы.

– Не пересадил бы... – ответил писарь, палкой стуча по колоколу, что над воротами крепостными висел. Знак в том был особый – так любой житель крепости показывал дозорным, что выходит, чтобы те в курсе были, кто, когда и куда ушел. Вечером, когда ворота закроются, подсчитают воротившихся, сведут счета и поймут, кто пропал. Заведено так было.

– Куды навоострился, дед Филарет? – окликнул путников один из стражников. Голос доносился с правой башни.

– Так воевода наш наказ дал излучину Волыни обсмотреть, – задрав голову, прокричал стражнику писарь. – Там, за Валуйской сопкой, на севере. Вот и пасынка своего велел прихватить.

– Ааа... Ну добро. Не петляй паренька-то, заблудится.

– Этот еще и прикуп даст, чтоб и впрямь заблудиться, – отбрехался Филарет, выходя на ровяной мост.

– Ээт точно... – захохотали стражники да и потеряли к выходящим всякий интерес.

Писарь со Славушкой мост пересекли, взяли правее крепости и пошли вдоль одного из рукавов хитрого рва солнцеворотного.

Филарет продолжил рассказ:

– Не пересадил бы князь дружину на вемблюдов, потому как звери те, акромья как в пустыне, нигде не водятся больше.

– А как же они там, в пустыне-то, живут? Ни еды, ни воды там нет. Ты сам сказывал.

Славушка про пустыни уже слышал, правда, иную историю. Про полководца одного славного, который полмира покорил с войском своим. И в той истории ни о каких вемблюдах речи не шло.

– А так и живут, – ответил писарь, вышагивая по узкой тропке, росу ногами пугая. – Пустынные они звери. Воду раз в месяц пьют, зато помногу. Напьется такой, а потом несколько недель кряду может идти по раскаленным пескам, что ладья о парусах по водам рек. На них местные племена товары всякие возят да воюют, как мы на конях. Сядут промеж горбов да скачут с улюлюканьем по пустыне. Табун таких вемблюдов дюже много пыли подымает. Атаку войска такого видно за сто верст в погоду хорошую.

– А что за горбы? Это как у Фомы нашего, юродивого?

– Сам ты юродивый, чума тебя дерит! – ругнулся Филарет. – От горшка два вершка, а все туда, людей судить да рядить... У Фомы – это кара божия, а у вемблюдов горбы воду в себя принимают да после хранят неделями в виде жира.

– Фу, – поморщил нос Славушка, – как жир-то пить? Гадость какая...

– Это тебе гадость, поскольку слаб ты умом еще мудрость Рода постигать. Род все придумал, все по местам расставил. И других богов послабже тоже он придумал да силушкой наделил, чтобы таких, как ты, уму-разуму научать. А мы, стало быть, при Роде живем да богов тех чтить должны. И не нашего ума дело, почему именно в горбах у вемблюдов вода хоронится. Понял?

– Понял, – буркнул Славушка, заметив, что старик отчего-то тревожиться начал. Шел он урывками, все останавливался у берега да прислушивался. – А ты, деда, откуда столько про вемблюдов знаешь? Читал летопись?

– Писал.

– Что писал?

– Летопись писал. О народах южных, о пустынных людях, о кочевых племенах. Много чего в неволе повидал.

Голос старика потух. Славушка почуял, что за живое воспоминания эти деда взяли. Не рассказывал Филарет никогда, да только Славушка слышал, как отец с сотником своим беседовали однажды. Тот сотник-то и рассказал, что Филарет в крепость прибил, когда они его из неволи у финнов отбили. Лет десять назад дело было. Один только он тогда и выжил в той битве. Старый, худой, жилистый и почти что голый был. Финны его у каких-то кочевников в походе дальнем выкупили, толмачом он у них служил. И хаживал по городам и весям с той ратью финской без малого пятнадцать зим, а до того еще столько же в неволе у кочевников бывал. Рассказывал сотник, что Филарет после вызволения десять дней слезы в глазах носил, в счастье свое поверить не мог.

Не стал Славушка подробнее расспрашивать старика о странных пустынных животных. Не стоит раны старые беречь, оно ни к чему это. Сам расскажет, коль охота будет.

Филарет тем временем совсем замедлился. Уже не шел, а крался в траве густой. Палкой перед собой мокрую осоку раздвигал да прислушивался все. Рукав рва уж закончился давно, до леса было рукой подать, только поле перейти, десятка с два аршин. Но писарь сделал лишь пару шагов, а затем и вовсе остановился. Руку свою поднял над головой и в кулак ее сжал. Стало быть, Славушке пригнуться да затихнуть следовало. Так он и сделал. Умолк, припал к земле, за сумку свою ухватился и вперился взглядом туда, куда дед Филарет всматривался – в траву густую. Прислушался и удивился: из травы и впрямь доносились звуки какие-то странные, будто кто траву эту щиплет. Прошли еще пару шагов. Звуки стали громче, дыхание чье-то слышалось. Кажись, сопел кто-то, кряхтел да пыжился.

– А ну, выходи сюды! – грозно скомандовал в кусты дед Филарет и палку свою выставил, словно копьё. Все звуки тут же затихли, затаился зверь невидимый. – Сейчас я тебя стрелой возьму, шельму... – пригрозил старик голосом, в котором Славушка угадал задоринку. Видимо, понял старик, кого именно они повстречали. И сработала уловка, из кустов тут же донеслось:

– Нет у тебя, дед Филарет, никакого лука, мне ли не знать.

– Вот ведь племя-то! – выругался писарь. – Мареська, а ну выходи на тропку!

И из кустов, вся мокрая и расцарапанная, вывалилась Мареська, сестрица Славушкина. В руках ножик отцов (как только умыкнула?), сама в сапожках да в сарафане нарядном. Коса рыжая, впопыхах сплетенная, за пояском торчит. И чего она тут делает? Никак школу девичью прогуливает?

– Ты чего это тут? – удивился Славушка.

– Тебя не спросила, братец. Или только тебе можно под телегой от работы отлынивать? – сестра показала Славушке язык и, спохватившись, спрятала руки, травой изрезанные, за спину.

– Порывай-траву рвала, не иначе, – заключил безапелляционно дед Филарет, сопоставив факты. – Утром ее рвут, по росе, иначе не работает снадобье. Да и луна полная, трава сейчас в самой силе находится.

И угадал писарь. Если Славушка еще умел кое-как взрослых одурачить видом своим, то сестрица его никогда таким даром не отличалась. Всё и всегда у нее на лице отображалось, особенно если кто допытывался у нее правды. Вот и сейчас Маресья покраснела густо, а руки за спиной еще крепче рукоять ножа сжали. Глазки голубые забежали из стороны в сторону.

– А ну, непутевая, признавайся. Кому лихо задумала?

– Никому, – сказала Маресья тонким голосочком, а глаза ее кричали обратное. Видимо, опять Ермолка насолил ей чем-то.

– Не серчай, деда, – вступился за сестрицу Славушка. – Ее бабка Вайка, видать, послала. Мареська у нее в послушниках с этого года ходит.

– Эко вы друг за дружку держитесь, – подивился писарь, поглядывая то на Маресю, то на Славушку. – Хотя верно вы делаете, держаться вам вместе треба. Но глаз мне не замыливай. Как есть вижу, неладное она затеяла. Бабка Вайка, если бы послала, так мы с тобой колокол услышали бы. А утром, акромя нас да скота, никто из крепости еще не выходил. Стало быть, она тайком прошмыгнула. А коль человек тайком что делает, жди от него пакости, это я наперед знаю. А я-то иду и думаю, кто это поутру уже траву примять успел? Уж финна-лазутчика ждал, а тут эта сухоногая. И чего мне с тобой делать? К отцу вести? Чтоб наказал?

– Не надо к отцу, – хором запричитали дети, а Маресья даже шагнула к старику ближе да глазюки свои небесно-голубые выпучила, слезами наполненные. Хорошо у нее это получалось, любого разжалобить могла. Вот и у старика сердце не выдержало.

– Времени нет, чтоб обратно топать, – буркнул он и пошел к лесу. – С нами пойдешь, Мареська. Харчей, надеюсь, на день запасла?

– Меня лес прокормит, – мгновенно переходя от слез к улыбке, ответила Маресья, убирая нож за пазуху и задорно подмигивая брату.

Немного задержавшись у того места, где Маресья собирала порывай-траву, дети бросились догонять писаря. Девочка не хотела потерять место, где припрятала свою добычу, а потому у самого края тропинки заплела между собой несколько колосков. Времени на это ушло не много, но дед Филарет успел уже поле перейти и скрыться в чащобе.

Ориентируясь лишь на звук его шагов и хруст веток, дети поспешили за наставником.

– Что, опять? – шепнул Славушка сестрице.

Та кивнула, но потом спешно сказала:

– Ты с Ермолкой не хлещись больше, отец и без того на тебя сердит. Я сама могу за себя постоять.

– Ну-ну, – засомневался Славушка, памятуя о том, как за подобную проделку уже получал тумачи от сына кузнеца. – Лучше я его проучу, чем тебе достанется. Ты не ведунья, как бабка Вайка, с рук тебе такое точно не сойдет. Еще отлучат от учения, будешь коровам тогда хвосты крутить до конца дней своих.

– Станет отец меня в пастушки отряжать, как же... – засомневалась Маресья. – Ты, братец, не забывай, что мы знатного рода дети. Отец наш главный в крепости, и нам следует поучиться этим пользоваться.

«И откуда у эдакой мелюзги, – подумал Славушка, – такие думы странные? Кто надоумил ее?»

Славушка не разделял мнение сестры. Ему всегда претило кичиться достижениями отчима. Ну да, Родослав был воевода знатный, самому князю великому двоюродный брат. И побед он много славных одержал, да и тут, на краю Бореи, столько годков уж врага успешно сдерживает. Его все знают и все уважают. Да только вот это его заслуги, а не Славушкины и уж тем более не Мареськины. Она-то вообще девица-красавица, куда ей примощаться к славе отцовской? Славушка думал так: коль хочешь имени себе великого, так создай его сам. Нечего заслугами родичей пользоваться да за их спинами прятаться. Часто они с Маресей на такие темы спорили. Сестрица мыслей Славушки не разделяла, она иначе думала. Коль есть в руках оружие, хоть оно и не меч острый, а слово отца, то им пользоваться тоже нужно уметь. Телом можно и слабым быть, да за плечами иную силу иметь. Мы пока дети малые, говорила она, так у нас есть, кем прикрыться. Зачем попусту притеснения терпеть от других нерадивых, пусть и сильных?

– А чего же ты порывай-траву тогда дергала? Шла бы к отцу да нажаловалась бы, – уколол сестру Славушка, забирая влево, где завидел белую рубаху писаря, маячившую в лесу.

– Я, братец, в разные стороны развиваться решила, – рассудительно ответила Маресья. – Отцу я завсегда успею поплакаться, а вот самой варево сварить лютее – это у меня еще никогда не выходило. Вот учиться буду, бабка Вайка подсобить обещала. Видел бы ты, братец, как она от зелья пьяного заговоры плетет... – мечтательно сказала Маресья и вдруг замерла на месте. – Стой, а где дед Филарет?

Славушка тоже замер, прислушался. Только же вот рубаху его видел да слышал, как тот сушняком хрустит, а сейчас и впрямь ничего слышно не было.

– Да там он, – мальчик уверенно кивнул в ту сторону, где Филарета чаял углядеть, – я его вот только что видел.

– Точно?

– Точно. Пошли скорее.

Славушка схватил Маресю за руку и бросился в кусты напролом. Шли они минуты три, постоянно останавливаясь да озираясь. Никого. Казалось, чем дальше в лес заходили, тем тише становилось вокруг. И все померкло вдруг как-то. Казалось, вот только утро было, солнышко припекало, роса в его лучах улыбалась миру, а теперь словно мороку кто напустил. За высокими кронами вековых дубов да разросшегося выше роста человека кустов ни лучика не пробивалось. Стало прохладно, Маресья всем телом прижалась к брату.

– Пойдем обратно, а? – жалобно сказала она. – Дед Филарет как поймет, что нас потерял, сам обратно выйдет к крепости. А мы его у леса постережем, на тропке.

Не стал Славушка ничего против говорить, хоть и стыдно было признать, что и самому страшно стало. Никогда он еще в лесу так просто не терялся – ни ночью, ни тем более днем. Всегда дорогу знал да тропки видел. А сейчас лес выглядел чужим, странным, даже немного жутким.

– Пойдем обратно, – уверенно сказал он.

Дети зашагали обратным порядком туда, откуда пришли. И чем дальше шли, тем больше уверялись в том, что заплутали. И шли-то не так долго, чтобы обратной дороги не найти. По меркам леса великого так и вообще просто на его кантике они еще находиться должны были. Казалось, воротись, пройди пару десятков саженей и выйдешь туда, откуда в лес этот заходил. Но кромка все не показывалась. И ни конца, ни края этому лесу видно не было. Словно кто взял их и перенес в самую его сердцевину, в самое нутро. Коряги вокруг, стволы поваленные, бурелом непролазный. Мареська уже весь сарафан свой изодрала, а выхода из лесу все никак не находилось.

Еще Славушка заметил, как по кронам деревьев, где-то в самой выси с ветки на ветку вороны перескакивают. А не те ли самые вороны это?

– Славушка, мне что-то боязно, – зашептала Мареська, чувствуя его страх всей кожей. Брат хоть и храбрым ей казался всегда, да только сейчас она чувствовала, что трусит он не меньше ее и не понимает, куда идти.

И вдруг где-то за спиной в лесу раздался вой утробный, да такой страшный, что у обоих детей ноги невольно подкосились. Так и рухнули они под пень корявый, ко мху щеками прижались. Только и слышно было, как трепещут в груди их маленькие сердечки.

– Волк? – одними губами спросила Маресья.

– Или кто хуже... – ответил Славушка, припоминая, как в прошлом году мужики говорили о волколаке диком. – Вот угораздило же тебя, сестрица, именно сегодня эту траву дурацкую порывать...

Глава 5

– А вы, хранитель, палку не перегнули? – поинтересовалась огромная белая сова, глядя сквозь морок, колдуном напущенный, на то, как дети под корягу все глубже забиваются.

– Ну ты еще поучи меня палки гнуть, – ответ прилетел сразу с нескольких сторон. Гофрин наворожил колдовство, и теперь за кандидатом в свои ученики наблюдал сотней вороньих глаз.

– Так вы же их напугали так, что они и крикнуть не могут. Они же дети еще, ничему не обученные, ничего не ведающие. Волчица эта, опять же. Почем вам знать, что она вас послушает и не задерет ребятишек?

– Да уймись ты уже, курица, – грубо оборвал сову колдун. – Мне в нем пробудить силу нужно, а без самых утробных чувств этого сделать невозможно. Из всех методов лучшие – страх и любовь. Проще страху нагнать, нежели ждать, когда этот Славушка любовь свою проявит к кому-то.

– А сестрицу его зачем подвязали? Она-то вам зачем? Она не от Рода, она мужского семени дитя.

– То уже не моя воля, – объяснил колдун, – я наперед такого ведать не мог. Но это хорошо, что она с братом увязалась. Будет мальчишке лишний повод проявить себя. Да только пока я не вижу в нем и сотой доли того, о чем ты мне талдычила. Обычный отрок, да еще и хилый. Вон, трясется, как лист осинового.

Славушка и вправду сейчас лежал под корягой и трясся всем телом. Маресю он собой прикрыл, конечно, и вперед себя пропустил под корягу, да только на том вся его храбрость и кончилась. Волчий вой из них обоих весь дух вынул.

Волчица тем временем все ближе подкрадывалась, нюхом своим добычу выискивала. Опасная то волчица была, только оценившаяся. Волка ее охотник подстрелил, щенков кормить нечем стало, вот и пришлось ей из своей норы на охоту выйти. Тут ее колдун и привязал к воле своей. Договорился с духом леса. Чего уж хранитель наобещал тому, непонятно было, да только опасно было волчицу на детей натравливать. Ей своих деток кормить нужно, она и сорваться могла.

Ведунья Маланья, что совой оборачивалась, хотела ту волчицу отвести, другую добычу ей подсунуть, да только хранитель вмешиваться строго-настрого запретил. Станные у хранителей методы, думала Маланья, глядя, как Славушка ножом Мареси сырую землю роет. Неужели придумал, как спастись?

Славушка же не просто убежище для себя и сестрицы копал – всю выбранную землю он отпихивал поближе к входу в их скромное убежище да ногами ее уминал. Он надеялся перекрыть вход под корягу и отбить дух человеческий. Невдомек Славушке было, что хищник уже за версту учуял страх детский. Да и что волчице стоит землю ту расковырять и открыть проход к добыче? Но страх не позволял Славушке мыслить волчьей думой. Он просто усердно копал, видимо, чтобы Мареську успокоить да руки чем-то занять. Все лучше, чем трястись от страха, безропотно участи своей дожидаясь.

Прошло немного времени, Славушка уже закончил свои земляные работы и отполз к Мареське вглубь убежища. Получилось сносно, нечто наподобие берлоги медвежьей. С трех сторон ребятишек коряга мощная прикрывала, а вход был завален землей. Стало очень темно, сыро и холодно. Ребята притаились, вслушиваясь в каждый шорох.

Тут раздался очередной вой, от которого в жилах кровь стыла. Волк был уже рядом. Дети замерли, боясь шелохнуться и выдать себя зверю лютному. Наступила звонкая тишина, в которой Славушка угадывал трель вырывающегося из груди сердечка Мареськи. Страшно ей было, не ровен час – заплачет в голос. Славушка ощупью руку сестрицы отыскал и сжал настолько крепко, насколько мог. Ничего, мол, сестрица, я с тобой, со мной не пропадешь.

Время потянулось, будто кисель. Сколько они пролежали так, в обнимку и в тиши, было непонятно. Славушке даже, грешным делом, почудилось, что ушел волк несолоно хлебавши. Не нашел зверь их укрытия, не ворвется, не растерзает их клыками. Но на всякий случай свободной рукой мальчик нож отцов перед собой держал.

И тут началось. Из тиши лесной до слуха сначала донеслась торопливая рысь, следом за нею стало слышно, как тяжело, с надрывом дышит волчица. Долго она по следу бежала, умаялась наверняка. Славушке подумалось, что теперь зверь от своего ни за что не отступит. Вдруг все звуки стихли, зверь остановился. Носом воздух потянул, заскулил в нетерпении и начал землю лапами рыть. Маресья от страха руку Славушкину сжала так сильно, что он чуть было не вскрикнул. Хотя чего таиться-то уже? Нашел их волк. Землю роет, поскуливая от предчувствия добычи доброй.

Вот уже и хлипкая земляная преграда пала. В тусклом сумеречном свете, что разливался по берлоге от входа, замаячила огромная тень. Славушке ничего не оставалось, как броситься на волка первым. Заверещав звонким голосом что есть мочи, начал Славушка перед волчьей пастью ножичком своим размахивать. И до того эта картина ему самому смешной показалась, что руки сами собой опускались безвольно. Волк был настолько огромным, что на его фоне нож отцов выглядел не больше иглы портняжной. Кричала и Мареська, но ее крик на угрозу уж точно никак не тянул – то был пронзительный девичий визг. Так девицы на реке визжат, когда их срамоту парни крепостные лицезрят из кустов. Славушка никогда не понимал этой забавы ребят постарше. Ну, визжат девки – чего им-то, парням, с того? Бывало дело, те девки соберутся опосля толпою да полдня по всему лугу за теми парнями бегают в надежде ухватить за рубаху, повалить на землю, разоблачить да в водичке студеной искупать в чем мать родила.

Вот так Мареська и визжала, а волку хоть бы что – знай себе пробирается через узкий лаз к заветной цели, пасть полна пены. Вот уже он своим огромным туловищем закрыл весь проход. У самого лица Славушки пахнуло смердящей гнилью. Смертью, можно сказать, пахнуло. Но не дрогнула рука мальчика. Еще пуще он своим хрупким оружием размахивать принялся, и, надо же, попал куда-то! Взвизгнул зверь совсем по-собачьи да как шмель лесной из берлоги выскочил.

Оба ребенка лежали теперь под корягой в неведении, ушел волк али просто затаился. Славушка почуял, что Мареська без памяти лежит – провалилась в забытие от страха. Да он и сам был готов за сестрицей последовать. Единственное, что его удерживало на этой стороне – страх. Не за свою жизнь Славушка боялся – за Мареськину. Кто, акромья него, ее из этой глуши выведет? Кто зверя лютого прогонит?

Время бежало, а волк себя никак не проявлял. У юного воина даже мысль робкая проскочила, что победил он зверя. Окрыляла Славушку столь легкая победа, и не знал он в тот миг, что это была лишь прелюдия к настоящей битве. Только глаз подранил Славушка волку, а таких обид лютый зверь никому не прощает. Поняла волчица, кто в берлоге укрывается, поняла, что не в состоянии слабые человечки за себя постоять, а стало быть, ее деток будет чем сегодня покормить. Нужно лишь правильный подход к такой добыче подыскать. Тут, скажем, как с ежами: коли будешь на него напрямки кидаться, в лоб, то не миновать болезненных укусов. А если ежа того лапами перевернуть да прижать, тут он свое брюхо и покажет. Суешь ему в брюхо нос мокрый, и дело с концом.

Еще пару секунд Славушка не решался ни на какие действия. Руку Мареси он уже выпустил и держал свой нож наготове – а ну как зверюга эта вновь сунется. Но вокруг тихо было. Лес будто замер в ожидании финала этого противостояния – лютый волк супротив маленького человека. Славушка уже готов был начать приводить Маресю в чувство, как вдруг на него сверху что-то тяжелое свалилось. Всем хороша была их берлога: и с боков, и сзади прикрыта она была, да и в лоб с наскока у волка не вышло взять эту крепость. А вот сверху была она

прикрыта лишь тонкими ветками да сухими листьями. Пронюхала свою добычу волчица, бесшумно пробралась по коряге да и прыгнула туда, где слабее всего укрытие было.

Вся возня продлилась не больше десяти секунд, но за это время из Славушки под волчьим весом успел весь дух выйти – не вздохнуть. Тяжела была волчица, огромна, космата и пахла псиной. Сколько б ни пытался мальчик своим оружием добраться до брюха хищника, ничего у него не выходило. Наконец волчице надоел этот человеческий детеныш, яростно копошащийся под ней. Схватила она Славушку за сапог, мотнула своей головой и вышвырнула его из берлоги прямо через крышу. И столько силищи в той волчице было, что ребенка подбросило вверх аршина на три. Упал он тяжело, больно ударившись коленом о кривой корень, торчавший из земли. В возне этой, в суматохе обронил он свой нож. Осознав это, начал лихорадочно шарить руками по земле в надежде отыскать свой единственный шанс на спасение, но не было ножа нигде. И палки, как назло, никакой в округе не было – всё трава пожухлая да листва сухая.

Волчица тем временем из берлоги выбираться не спешила.

«Мареська!» – в ужасе подумал Славушка и смело бросился ко входу в берлогу. Тут же наткнулся на хвост волчий, ухватился за него и изо всех сил на себя дернул. Знал Славушка, что тем самым волка еще пуще разъярит, да только выбора у него не было. Уж лучше пусть волчица на него первого ополчится, авось, Мареську-то опосля трогать не станет. Может, ей и одного Славушки для пропитания хватит.

Страшно волк тот зарычал, ошетинился весь, и, по-кошачьи выгнувшись, резко развернулся в берлоге и на Славушку пошел. Не чуя ног от страха, пятился отрок назад, покуда не уперся спиной в ствол могучего дуба. А волк уже выбрался из берлоги. Вот он – свирепый, клыкастый, из пасти слюна капает, глаз изодран и кровоточит. Ох, и страшен был этот зверь! Понял Славушка, что через секунду жизни его конец настанет, и такими мелочными все его проблемы в то мгновение показались. Ни дружина ему теперь не нужна была, ни подвиги ратные, ни признание отчима. Одного хотел Славушка – чтобы через смерть его сестрица Маресьюшка спаслась.

Внезапно над головой отрока клетот какой-то раздался. И смотреть бы Славушке перед собой, прыжок волка подгадывая, да только по какой-то неясной ему причине отвлекся он на звук этот. Глядит, а прямо над ним, аршинах в десяти, на ветке толстой сидит та самая сова белая, что утром он видел. Волк тоже на ту сову внимание обратил, да только не придал пернатой должного значения – вновь на Славушку оскалился и готов был прыгнуть уже, атакуя. А вот мальчик, в отличие от волка, не мог взгляда от хищницы ночной оторвать – до того она сейчас на птицу была не похожа. Готов был Славушка на что угодно спорить, что та сова ему подмигнула, словно приободрить хотела. А после и вовсе странное случилось. Сова одну лапку подняла, вытянула ее вперед, а в лапке той прямо из воздуха камень какой-то белый появился. Обычный белый камень продолговатой формы. Разжались когти, камень тот вниз полетел да прямо Славушке в руки. Поймал его мальчик и понял – сова хотела помочь.

«Спасибо, конечно, да только что мне этот камень супротив волчары такого? Вот, если б, скажем, ты мне меч вострый сбросила... Да только откуда у совы глупой мечу взяться?»

И только Славушка подумал об этом, как волк весь сжался, изготавившись к прыжку, и, как тростина упругая, выпрямился. Ничего пареньку не оставалось, как замахнуться и тем камнем в волка кинуть.

Но бросок не удался – камень словно к руке прирос. А волчица та только уже в прыжке поняла, что сейчас произойдет с ней что-то нехорошее. Увидел зверь лютый, как прямо из воздуха у детеныша человеческого в руке огромный меч появился, пламенем синим объятый. И рада была бы волчица уберечься от удара, даже убежать бы уже рада была, да только как прыжок-то начавшийся остановить? Попыталась было извернуться прямо в полете, но удалось ей немного, лишь голову успела от цели отворотить. Удар пришелся по хребтине, страшная боль пронзила зверюгу. По инерции впечаталась она в то дерево, у которого человек стоял, да

больно вертким он оказался, увернуться успел. А вот волчице от удара увернуться не вышло. Повезло еще, что человек глупым оказался да неумелым. Иной опытный воин таким мечом волчицу пополам бы перерубил, а этот с испугу лишь плашмя ударил. Но и того волчице хватило с лихвой – загорелась ее шкура, по всему телу боль нестерпимая разлилась. Крепко приложилась грозная хищница о ствол древа, грузно упала оземь да и бросилась наутек – только скулеж ее и слышен был.

Славушка поднялся с земли и глазами, полными восторга, на меч свой полыхающий взглянул. Горел тот меч, словно только его из печи доменной вытащили да ковать собирались. Только горел он не алым, а синим пламенем. Станным тот огонь был. Горит, лезвие, гарда, рукоять, а Славушка этот полыхающий меч в руке держит, и огонь его не берет. Волчице полшкура спалил, а ему самому хоть бы что. И еще невесом тот меч был, словно тростинку держал его мальчик.

– Вот так невидаль! – вслух подивился герой. – Только вот о мече подумал, как камень простой в него и превратился.

Не успел он припомнить, как камень тот выглядел, как оружие его грозное вспыхнуло светом ярким, да так, что Славушке зажмуриться пришлось. А когда он вновь глаза открыл, в руке уже снова камень лежал. Обычный белый камень, каких сотни на берегу Волыни отыскать можно. Поднял мальчик взгляд наверх – совы и след уже простыл.

Ничего понять Славушка не мог. Что это сейчас было? Что за сова? Что за камень такой дивный? Спасибо, конечно, за подарок такой, да только что это за колдунство такое лихое? Не черный ли Бес над ним потешается?

Вдруг из берлоги стоны послышались, это Мареська, видно, очнулась.

– Славушка! – позвала она слабым голосом. – Братец, ты где?

– Выходи, Мареська! – тихо ответил Славушка, камень диковинный за пазуху пряча. – Прогнал я волка.

Мареська осторожно выползла из-под коряги, на ноги встала и на Славушку глядит.

– Что тут произошло? Я вся холодная, ноги дрожат.

– Ты со страху во тьму провалилась. И не мудрено – чуть нас волк тот не сожрал.

Мареська поглядела на брата недоверчиво.

– А ты как живой остался? Как волка-то прогнал?

Подбоченился Славушка, приосанился да заявил деловито:

– Не девичьего ума дело, как воин врагов бьет. Побил да прогнал. Какая разница, как именно?

– И действительно... – прошептала Мареська и заплакала.

Бросился к сестрице Славушка, обнял ее, родную, и к груди прижал.

– Ну все, все... Ушел волк. Не скоро еще раны зализет.

Славушка успокаивал сестрицу, а та еще пуще рыдала. Только сейчас они оба поняли, что на волосок от гибели верной были. И если бы не камень тот волшебный, если бы не сова та странная, быть бы им обоим сегодня волчьей пищей.

– И зачем ты это сделала? – сурово спросил сову хранитель Гофрин.

Сидели они неподалеку от места сражения, на полянке. Собрал себя из вороньей стаи Гофрин да глядел сейчас с укором на сову непослушную.

– Сердце дрогнуло, – опустила пернатую голову сова, понимая, что ослушалась прямого приказа колдуна. – Сожрала бы она их. Не смогла я на то смотреть.

– Курица ты облезлая! – в сердцах ругнулся хранитель. – На то и расчет был. Не в камне он силу должен был открыть свою, а в себе самом. Не мечом острым размахивать, а чистой силой управлять. Тут и любовь была к сестрице, и опасность. Представляешь, какую силу он мог сегодня получить? Какой стражник из него бы вышел, представляешь?

– А если бы не смог? Вы и сами видели, он в страхе потерялся! Так и волчица уже бросилась на него! – рискнула возразить колдуну сова. – И погиб бы он зря. И сестрица его...

– Значит, не такая в нем сила течет, какую ты узрела, – уже спокойнее ответил Гофрин.

– Но без силы камнем владеть ни у кого не получится. Раз уж он меч наколдовал, стало быть, есть в нем дух Рода!

– Есть, есть – буркнул колдун, – да не та эта сила, что нам требуется.

Сова опять притихла. Опустила голову, лапки свои поджала и ждала вердикта. Не простит ей Гофрин своеволия.

– Ладно, – сурово сказал Гофрин, – вижу я в нем потенциал. Будешь его наставницей. Учи его всему, что сама ведаешь. Теперь уже через камень учи. Как сила проявится, так и будет человек ее открывать отныне. Не того я ждал от паренька. Все ты испортила.

– Покорно слушаюсь, хранитель, – ответила сова, даже не рассчитывая на столь легкий для нее исход.

– А ты не радуйся раньше времени! – Гофрин, очевидно, о наказании и не думал забывать. – Быть тебе совой, покуда парня не обучишь. Запрещаю в облики девичьем объявляться на людях. Никто и никогда не увидит тебя женщиной, ведунья. И будет так, покуда парень этот не взалкает правды о себе узнать. И будет так, покуда не научится землю родную беречь. И будет так, покуда не обучишь его. А ослушаешься, – тут хранитель сверкнул недобрый взглядом, – никогда не вернешь облик человеческий.

Гофрин говорил так, заклятие на ведунью накладывая. Обволоклась сова синим пламенем, поднялась на три аршина вверх и замерла в воздухе, не в силах пошевелиться. Трижды превращалась она в девушку прекрасную и трижды обратно совиное обличье принимала. На третий раз осталась она совою белой да в изнеможении пала под ноги колдуну великому.

Когда в себя пришла, того уже и не было поблизости, только лес густой да тьма непроглядная. Отряхнулась сова, встала, головой завертела.

«А вы куда?» – мысленно потянулась Маланья к Гофрину.

«Врата без присмотра, ведунья. Обрато я, на север. Обучи мальчишку. Год даю тебе на то, чтобы азы он познал ведунства. Вернусь – еще пуще экзаменовать буду. А выдержит, определю его в стражники обучаться».

«Неужто в град гиперборейцев парня пустите?» – изумилась Маланья.

Ничего на то Гофрин не ответил. Ушел колдун. Не чувствовала Маланья его присутствия, да и морок рассеялся. Светлее все вокруг стало, красками заиграли листья. Птицы защелкали – видать, обсуждали диво дивное, что в лесу их приключилось. И так ведунья вдруг радостно на душе стало. Совье обличье, конечно, тяготило, но то, что она поперек себя не пошла да парня выручить смогла, душу ей грело и радовало. Слава Роду за все!

Сова потянулась, расправила крылья белые и взмыла ввысь. Нужно было Славушку отыскать да путь к дому указать. Единственный вопрос, терзавший сейчас Маланью, был в том, как ей в совьем облики Славушку уму-разуму учить? Это она с Гофрином могла разговаривать, понимал колдун клекот совиный. А простой человек в ее уханье и клекоте ничего не разберет. Да уж, задачка из задач.

Глава 6

Дети шли уже больше часа. Сперва продирались сквозь бурелом чащобы непроглядной, а после вышли на еле заметную тропинку, неведом кем вытопанную. Славушка шел уверенно, словно точно знал, куда идти нужно. В лесу, к слову, стало заметно светлее. Развеялась хмарь, туман, что по оврагам стелился, словно легким ветерком разметало. Сквозь густые кроны деревьев вековых пробивались веселые лучики солнца, глаз детям радуя.

Вышли к развилке. Мальчик замешкался на секунду, озираясь по сторонам, деловито на солнце поглядел, затем каждую из тропок оценивающим взглядом окинул и уверенно выбрал левую.

– Туда нам, – сказал Славушка, потянув сестрицу за руку.

– А тебе почем знать? – замерла на развилке Маресья. Руку свою отняла и на Славушку хитрым прищуром посмотрела. – Ты, братец, темнишь. Чувствую, недоговариваешь что-то.

Ну и как ей, девке глупой, объяснить то, чего Славушка и сам не понимал? В такое никто же не поверит.

– Просто знаю, и все. Учил меня дед Филарет по солнцу направления искать, – соврал Славушка. – Заплутали мы, потому как морок в лесу был. Ни солнца, ни звезд, лишь туман да темень. Как тут оглядеться? А сейчас я точно знаю, что туда нам нужно.

Соврал Славушка не в том, что писарь его учил. Дед Филарет и правда отроку глупому объяснить пытался, как по солнцу путь-дорогу отыскать, да только его тогда эти хитрости мало интересовали. Он Филарета вполуха слушал, лишь изредка головой кивая: мол, все ясно, все понятно. Сам же в мыслях своих утопал. О мече, о латах кожаных мечтал. Грезилось Славушке, будто на коне он вороном несется на врага лютого да после сечи доброй героем становится. Часы, проведенные с писарем, Славушке пуще редьки горькой были. Каждую секунду считал он до того момента, как сможет вернуться обратно в крепость, забраться у себя на задах под телегу с сеном, запалить лучину или свечу и продолжить сказки в книге заморской читать. Чего только в тех сказках не было: и рыцари в сияющих доспехах, и кони верные, и сражения лихие... Всё Славушка себя на месте тех героев представлял. Книгу он ту всё у того же писаря одолжил. Ну, как одолжил? Взял без спроса, когда дед Филарет, по обыкновению своему, прямо посреди урока задремал. Читать же мальчика учил пришлый толмач из дружины княжеской. Полгода тогда дружина стояла в крепости, ждали нападения северных финнов. Не дождались, оставили с десятков воинов покрепче да восвояси ускакали. Они-то ушли, а Славушка после того окончательно с призванием определился – быть ему ратником.

Так вот, соврал Славушка сестрице в другом. На самом деле дороги он не знал. Просто приметил, что на пути у них та самая белая сова вертится все время. То на ветке ее заметит в десятке шагов от себя, то в полете. И постоянно сова на глаза попадалась именно в тех местах, где выбирать направление приходилось. Она словно вела Славушку через лес. Вот и сейчас, на развилке этой, углядел он свою спасительницу сажень в двадцати левее, оттого и решил, что идти следует именно туда. Нутром чуял, что ничего плохого сова эта им не желает. Наоборот, вела его сова, ей-богу вела.

Но Маресье этого говорить Славушка не желал, не хотелось ему перед сестрицей глупым неумехой выглядеть. А так, коли выйдут к людям, братец в глазах Мареськи станет самым важным, самым умным и самым смелым. Вон, какого волка голыми руками заборол! Само собой, о камне волшебном Славушка тоже решил умолчать. Сестрица хоть и была ему дороже всех на свете, да все ж девичью натуру не исправить.

«Разболтает, – думал он, – как есть разболтает все отцу. С девицами язык нужно за зубами держать, особенно с такими смышлеными, как Мареська».

Маресья поглядела на брата с сомнением, но все же пошла по той тропке, которую Славушка указал. Внутри у девочки все так и свербело от любопытства. Она помолчала немного, а после опять за расспросы принялась:

– И все-таки, братец, как ты с той волчицей совладал?

– А с чего ты взяла, что это волчица была? – попытался улизнуть от ответа Славушка.

Ему хотелось приумножить свой подвиг: одно дело волка матерого себе в победы приписать, а другое – слабую волчицу. Девки – они всегда слабее парней. Хоть в людском, хоть в волчьем мире.

– То волк был, – уверенно добавил он, – уж я-то успел разглядеть.

– Ага, волк, – развеселилась Маресья, – такой волк, что аж сосцы молочные во все стороны торчали. Когда она меня до полусмерти напугала, я разглядеть успела. Волчица то была, только что ошенившаяся. И от того, кстати, еще свирепее, нежели самый грозный волк.

Хитра Маресья была. Вмиг раскусила, чего Славушка добивался своей маленькой брехней.

– Ты, коли хочешь большим героем прослыть, говори всем, что волчицу заборол. Любой охотник такую битву выше оценит. А если по честному, помалкивай лучше. Тебе, мелюзге тщедушной, все одно никто не поверит. И от вопроса не увиливай, мне зубы не пытайся заговорить. Не мог ты волчицу один извести, скрываешь ты от меня что-то. И я, братец, все одно узнаю, что именно. Глаз с тебя не спущу, так и знай!

Ничего Славушка сестрице не ответил. Шагнул себе по тропинке, насупившись. Понял, что права она. Никто не поверит, что он волчицу сам, своею удалей победил. Хотя, положив руку на сердце, так оно и было. Но если все рассказывать, придется объяснять, что это за камень у него за пазухой, откуда он взялся и как работает. А того Славушка еще и сам не ведал. Сова та явно не простой была, раз камень прямо из воздуха вытянуть смогла. Да и о свойствах этого самого камешка нужно было еще поразмыслить. Взять его в укромное местечко да начать испытывать. Кто знает, возможно, это чудо не только меч может наворожить, хотя для воина доброго уже и того было бы предостаточно.

И такие перед Славушкой вдруг перспективы открылись, что от восторга он забывать начал, как дышать. Это с таким-то мечом он среди всех известных удалцов в крепости самым лихим будет. Нужно будет лишь потренироваться малость, и уж тогда-то он этому паскуднику Ермолке все бока намнет. Век тот помнить будет, как Маресью и других слабых обижать.

Так и шли они по тропке, пока не поредел лес. Вот уже и к обрыву песчаному вышли, а внизу обрыва того увидели реку. Тут уж Славушка знакомые места угадал – Волянь перед ними протекала. Стало быть, по течению нужно держаться и выйдешь аккуратно к лугу, что перед крепостью. А там и до дома отчего рукой подать.

Смело Славушка на крутой склон обрыва ступил и уже руку сестрице подал, чтобы помочь спуститься, как с клекотом и визгом на них налетел белый вихрь из пуха и перьев. Отроку пришлось аж к самой земле пригнуться. Невесть откуда взявшись, белая сова выглядела до крайности встревоженной. Она била Славушку крыльями, цепкими лапками в грудь толкала и отчаянно клекотала. Вокруг поднимались клубы пыли и пуха.

– Вот это невидаль! – всплеснула руками Маресья, отходя в лес и наблюдая всю эту картину.

– Да отцепись ты, проклятая! – кричал Славушка, пытаясь отбиться от настырной совы.

– Не пускает она тебя к реке, похоже, – словно между делом сказала Маресья, кидая в рот пригоршню морошки. Когда только нарвать успела?

– Сам вижу, что не пускает, – сдался Славушка и поднялся обратно, ухватившись за корень.

Уже наверху он злобно на сову поглядел и спросил, словно ответа ждал от птицы:

– Ну, чего ты яришься, глупая?

Сова же уселась на край обрыва, крылья свои огромные распластала и на детей пошла. При этом она злобно шипела и клекотала остреньким язычком. Сказать, что дети были удивлены такому поведению птицы – не сказать ничего. Они и сову-то живую в жизни видали только мельком, а чтобы вот так, вблизи, такую огромную, да еще и злую – впервые.

– Давай-ка ее послушаем, – предложила Маресья брату. Птица тут же на нее внимание обратила, голову неестественно на бок свернула, словно разглядеть хотела, да и в один присест взмыла девочке на плечо. Уселась аккуратно, по плечу худому коготками потопталась и на Славушку умными глазами глядит.

У того глаза на лоб полезли от такого поведения птицы дикой. Посмотрел на ошалевшую Мареську – сестрица выглядела не лучшим образом. Не испугалась, нет, но стояла с видом обескураженным, опасливо на птицу глазами косясь.

– Она тебя словно поняла, – прошептал Славушка. – Видимо, и впрямь ховаться в лесу нам надо.

Тут же птица головой закивала и подтвердила догадку бодрым клекотом. Делать нечего, зашли обратно в лес, спрятались за деревьями так, чтобы реку было видно, и стали ждать. А сова так и осталась сидеть на плече Мареськином.

– А вот ты скажи мне, братец, – шепотом спросила девочка, хитро прищурившись и глядя на брата, – ты же словно и не подивился птице редкой. Так на нее прикрикнул, будто знакомцы вы давнишние. Не она ли нас из лесу вывела?

– Вот еще я птицу слушать буду! – буркнул Славушка и тут же получил за слова свои в ухо клювом. – Ай! Чего цапаешься?

Сестрица насмешливо засмеялась над взвизгнувшим мальчиком.

– Ну, судя по всему, ручная она, – сказала Маресья. – Может, все-таки расскажешь, как вы с ней дружбу свели?

Тут сова голову вжала и, тихо зашипев, вперила взглядом в излучину реки, что из их наблюдательного пункта хорошо видна была.

– Тише, – шикнул на сестру Славушка и тоже пригнулся.

Минуты две ничего видно не было. А после дети увидели, как по излучине Волыни крадется кто-то. Не идет, а именно что крадется. К самому берегу пригибаясь, поминутно оглядываясь, шли вдоль берега два человека в странных одеждах. Шкуры на них были, унты меховые, шапки с висячими до локтей ушами. За спиной – луки короткие, а в поясах ножи кривые поблескивали на солнце.

– Не наши это! – шепнула Маресья.

– Сам вижу, что не наши. Ты финнов когда-нибудь видела?

Маресья головой покачала. Откуда ей было знать, как выглядят представители враждебных кочевых племен с севера.

– Они это...

– А тебе почем знать? Мы с ними уже, почитай, лет пять не сталкивались, да и война-то далеко на западе протекает. Чего им тут делать?

– А то, что наш отец эту крепость здесь не просто так держать взялся. На север он их не пускает. Им там, на севере, словно медом намазано. О том промеж собой воины наши толмачили, а я подслушивал.

– Наши стражники только трепаться горазды, – шепнула Маресья. – Никто из них в настоящей битве не бывал – всех бывалых отец давно отослал в дружину князя. Им-то откуда ведомо, как финны выглядят?

– А по этим не видно, что не местные они? Всех местных мы в лицо знаем. А эти, вона, странные какие. И луки у них, и ножи.

– Так охотники, может?

– Ага, как же, охотники – и без добычи. Говорю тебе, лазутчики это финские. И чего эти «охотнички» хоронятся да тайком вдоль границы шлепают, коль им скрывать нечего?

На этот вопрос у Мареси аргумента не нашлось. Стали ждать, что дальше будет. Лазутчики тем временем с детьми поравнялись. Первый руку поднял и в кулак сжал – совсем так, как дед Филарет делал. Тот, что за первым шел, остановился, встал на колено, достал свой короткий лук и стрелу на тетиву положил. Сидит, на излучину смотрит пристально, словно погоню за собой ждет. А первый стал странные жесты изображать. Повернулся к реке лицом, к детям спиной, развел широко ноги, руками машет. То одна рука вверх, то другая. Славушка взглянул через реку и увидел на противоположном берегу странное. Безлюдный, на первый взгляд, лес вдруг ходуном заходил. Вышли из леса на том берегу другие люди – человек десять. Одеты они были так же чудно, в меха да шапки (и это летом-то!). Один из пришлых догола разделся, взял что-то в руки и пошел вверх по течению. Мальчик пригляделся и понял, что тащит этот человек за собой веревку. Отошел он саженой на тридцать вверх по течению и в воду полез. Волянь в этом месте глубокая была, полноводная. Течение у нее не сильным было, пловца аккуратно к берегу возле лазутчиков и прибило. Те помогли ему выбраться на илистый берег и взяли у того веревку.

И только тут до Славушки дошло, чем лазутчики занимаются. Они переправу наводят! Там наводят, где наши-то и не ждут нападения. Слишком уж коварным течение в Воляни было, не каждый конь осилит, а воин в доспехах да мехах и вовсе потонет. Что же, им всем с голым задом переплывать? Сейчас поднимутся лазутчики в лес, веревку ту к дереву приладят, и начнется вторжение.

– Мареська, – еле слышно шепнул сестре Славушка, – бери сову и бегом через пролесок к крепости. Донеси отцу о том, что видела, и сюда их веди! Скажи, финны переправу наводят уже.

– А ты? – Мареська с тревогой на брата поглядела.

– Не бойся за меня, я юркий. Погляжу, сколько их, да следом за тобой пойду. Они раньше утра следующего не будут нападать. С ходу да без отдыха кто воевать станет?

На том и порешили. Мареська братца в лоб поцеловала, рукой своей горячей щеку его погладила да и припустила по тропинке. Сова же покинула плечо девочки и перед ней полетела – дорогу, стало быть, короткую показывать будет. Никак поняла, о чем сговорились дети.

Славушка же принялся ждать. Как он и предполагал, веревку, что пловец с другого берега доставил, лазутчики привязали к стволу крепкой осины. Пока враг по лесу шастал да веревку вязал, мальчик лежал ни жив, ни мертв. Будь разведчик хоть немного сметливее, проверил бы ближайшие кусты да Славушку и обнаружил бы. Но лазутчик был уверен, что они на этом берегу одни, и лишнюю предосторожность соблюдать не стал. Видимо, до прихода сюда детей финны уже все тут оглядели, под каждый куст заглянули и никакой для себя угрозы не обнаружили. Славушка же остался незамеченным.

По своей наивности паренек предполагал, что вороги так и будут по веревке один за другим перебираться, но финны оказались смекалистей. К первой веревке на той стороне реки вороги приделали деревянный чурбачок с веревкой потоньше. Ту веревку один из врагов на эту сторону вместе со стрелой пустил, и теперь люди на Славушкином берегу могли подтягивать этот чурбачок. После всех приготовлений он по канату скользил, словно челнок. А на чурбачке были крючья, к которым вражеский отряд прикреплял тюки с вещами, амуницией и продовольствием. Спустя время все было готово к переправе, и первые тюки неспешно начали свое движение. Убедившись, что вся конструкция работает исправно, финны начали действовать уже быстрее.

Славушка же усердно считал, сколько тюков будет переправлено на этот берег. Таким способом он рассчитывал оценить приблизительную численность отряда финнов. Самым ужасным оказалось то, что тюков было настолько много, что мальчик сбился со счета на втором

десятке. Но по всему выходило, что не менее тридцати штук. И наверняка каждый из них предназначался не одному воину, а сразу двум-трем. Особенно Славушку поразило количество колчанов со стрелами. Этот отряд, а точнее, небольшое войско, вероятнее всего, затеяло настоящий штурм их крепости. А то и осаду.

Опасения Славушки насчет численности вражеского отряда подтвердились в самом скором времени. Когда начало темнеть, на противоположный берег высыпало не менее трех десятков человек. Они быстро спустились к реке, подвязали к деревянному челноку какую-то веревку и выволокли из леса здоровенный плот. Тяжелый тот плот был, финны его вдесятером еле волокли. Дотащили они плот до берега да в воду его бросили. Веревку от челнока привязали к плоту и стали грузиться на него сами. Укладывались странно – все бочком, бочком друг к другу. Видать, так их больше на плоту помещалось. Славушка насчитал двадцать человек, и еще столько же воинов продолжали суетиться на том берегу. А сколько их там, в лесу еще оставалось, мальчик так и не понял.

Трое же на этом берегу схватилась за веревку потоньше, ту, что была к деревянному челноку привязана, поднатужились и начали тянуть плот к своему берегу.

«Действовать нужно!» – решил Славушка и на ходу придумал дерзкий план. Бесшумной тенью подкрался он к тому дереву, где основная веревка была привязана. Удумал мальчик эту веревку перерезать аккуратно в тот момент, как плот до середины Волыни доплывет. Да только не учел он один момент – веревка та оказалась слишком толстой. Не веревка – канат целый.

«И чем же я ее перережу? И узел не распутать, больно хитро сплетен, без навыка только хуже запутать можно».

Славушка огляделся. Вокруг, кроме палок да листьев, ничего подходящего не было. Можно было бы камнем острым перебить канат, да только этот вариант был не самым лучшим. Во-первых, единственное место, где камнем разжиться можно, – берег реки, а его уже вражина занимает. А во-вторых, даже будь у Славушки камень, стук о дерево его с головой бы выдал. И не убежать, не скрыться от вражеских лазутчиков после. Все знали, что финны в лесу как у себя дома ориентируются. Вмиг они мальчика нагнали бы да как единственного свидетеля их коварства и порешили.

Времени на раздумья оставалось мало, плот уже почти полпути проделал. Еще немного – и за середину реки перевалит. Правда, от тяжести он сильно замедлился. Тяжело пыхтели внизу лазутчики, подтягивая его, кряхтели, сопели, упирались. Но все одно – рано или поздно плот они подтянут. И станет их на этом берегу уже не трое, а две дюжины почти, и все при оружии.

«Думай, думай, башка ты безмозглая! – ругал самого себя Славушка. – Нет у тебя никакого камня, чтобы канат перебить. Думай же! Хотя... – тут мальчика осенило. – Как это нет камня?»

Тут же он руку за пазуху сунул, нащупал теплый от тела камень и вытащил его наружу. Эка невидаль! Камень тот, оказывается, еще и светится. В первый раз Славушка того не приметил, сейчас же, была б ночь густая, можно было бы при этом свете легко книжку читать. Удобная штука! Только как это сейчас помочь может? Чудно было бы, если бы сейчас из камня опять меч вспыхнул, как в тот раз. Только не знал Славушка, как этот камень работает. Может, слова какие-то волшебные сказать нужно? Да вроде как тогда он ничего такого не говорил, камень тогда сам по себе в меч превратился.

Мальчик отчетливо помнил, что камень ему сова сбросила. Он, дурень, грешным делом решил, что им получится в волка швырнуть, хоть как его отвлечь. Вспомнил он и о том, как посетовал тогда сове: мол, лучше бы ты меч мне сбросила.

«Значит, – решил Славушка, – дело не в словах волшебных, а в том, чего ты сам пожелаешь. Ладно, проверим».

Мальчик вытянул руку с камнем вперед, зажмурился и изо всех сил представил огромный полыхающий меч. Открыл один глаз. Нет меча. Просто камень. Да – не простой булыжник. Да – светится странно. Но все одно, от этого света никакого проку не было. Зажмурился еще раз, представил меч поменьше. Во всех красках представил – обоюдоострый, с долом, зазубринки у гарды. Рукоять, навершие, даже плетение хитрое на рукояти вообразил. Открыл глаза, а там... нет, не меч, но малюсенький кинжал. Даже не кинжал, а стилет, причем, судя по всему, не настоящий, а игрушечный. Лезвие – чуть больше четырех пальцев руки Славушкиной.

«Вот те на! – подумал отрок. – Да я такой саблей даже чирей у себя на заднице не вскрою. Неужто нельзя было нормальное оружие подать?»

Но делать было нечего. Взглянул Славушка на реку и ахнул мысленно – плот уже середину миновал. Действовать нужно было тем, что дали, и без того этакой-то зубочисткой полдня пилить придется. Приготовился мальчик к долгой и кропотливой работе: такой пилочкой канат перерезать – это еще постараться нужно. Даст Род, только у самого берега он оборвется, когда поздно будет. Но только Славушка поднес свое игрушечное оружие к канату, только до волокон его дотронулся, как произошло нечто из ряда вон выходящее. Он-то рассчитывал, что пилить канат таким оружием придется долго и упорно, да еще и усилия прилагать невероятные. Навалился он на канат всем телом... да и провалился сквозь него. И не только сквозь канат провалился – он еще и сквозь толстый ствол осины проскочил. Только и успел рукою за ветки схватиться, чтобы прямо на голову лазутчикам не грохнуться. Испугался очень Славушка, что выдаст себя. Да и что в таком-то деле плевым промахнется, не ожидал. А ведь как есть промахнулся! И как такое вообще могло с ним произойти?

Троица внизу его так и не заметила, финны были увлечены работой тяжелой. Шутка ли, такую махину через реку перетащить, да еще и с людьми.

Воротился Славушка к осине. Глядь, а веревка на месте и кора на дереве даже не поцарапана.

«И вот как, скажите на милость, можно было тут промахнуться? – недоумевал мальчик. – Я же четко видел, куда ножичком этим тыкаю!»

И только он это подумал, как раздался странный звук. Дерево перед ним как-то странно волокнами своими взвизгнуло, а затем под напряжением каната сползло в овраг с диким треском. Прямо на головы троем лазутчикам.

Финны с чужого берега увидели странную картину: ни с того ни с сего дерево, к которому канат крепился, рухнуло прямо на головы бурлакам. А в образовавшемся проеме стоит мальчик, в руках ножичек игрушечный держит. Глазюки свои выпучил, глядит ошарашенно и видит, как утягивает тяжеленный плот за собой эту огромную осину в воду. А вместе с нею – и троих финнов. И все без памяти – видать, лихо стволом осиновым по голове получили. Почуввав неладное, люди на плоту в воду начали сваливаться да своим ходом, как были, в шапках, шубах, сапогах к берегу Славушкину поплыли. Только их головы и видно было в сумерках. Орут все, на иноземном ругаются, стало быть.

Перевел мальчик взгляд на другой берег, а там суматоха. Кричат все, за другой конец каната хватаются, пытаются плот опустевший подтянуть. Да только течением его так сильно унесло, что ничего у них не выходит. Славушка даже сосчитать успел, сколько их там было, но еще человек тридцать, не меньше.

Ох, и обрадовался отрок такому финалу! Никак не ожидал он от клинка своего такой прыти. И совсем, глупый, прятаться не спешил. А зря. Не заметил он, как на том берегу из лесу вышел старик высокий с посохом. Злобно тот старик поглядел на Славушку, да как начнет что-то себе под нос бормотать. Эх, поздно он того старца приметил.

Как тут свело виски у Славушки, как закрутило его! Из глаз искры посыпались, затем зрение пропало. Голова кругом шла, в ушах шумело, как во время проливного дождя. Никак тот старик колдуном был! Да только что Славушке с этой догадки-то? Уже поздно. После драки,

как говорится, руками не машут. Так плохо ему стало, что перегнулся он через пенек осиновый да и рухнул прямо на берег галечный, чудом лишь руки-ноги не переломал. Да если бы и сломал, не почуял бы боли за той, что в висках его сейчас билась. Еле успел Славушка камень свой вновь за пазуху убрать. Ничего не понимая, встать попытался, да только ноги его уже не слушались, они у мальчика будто свинцом налились. Единственное, что он успел сделать, так это упасть так, чтобы видно ему было, что там на берегу вниз по течению творится. А там, мокрые и злые, уже финны из воды выползли – те, кто выплыть смог из речки Волыни. Вылезли они, руками машут, пальцами в сторону Славушки показывают, ругаются. Дождались везунчики последних выплывших и сурово двинулись стенкой на паренька.

А боль у него в висках все не прекращалась, а, напротив, с каждой секундой все сильнее становилась. Последнее, что Славушка успел увидеть перед тем, как во тьму спасительную провалиться, это как один из финнов – тот, что первым на него шел – из-за пояса нож кривой достал и хищно ухмыльнулся. И всего ничего до Славушки ему идти осталось...

«Успеть бы в туман обморочный упасть, – подумал мальчик, – прежде чем меня резать начнут».

Глава 7

Нелегко Славушка в себя приходил. Несколько дней маялся он в горячке, потом обливаясь, себя не помня. Все ему мерещилось, что его колдун тот изнутри огнем сжигает, со свету сжить пытается. Славушка и убегал в тех снах, и прятался, да только все без толку. Настигал его колдун всякий раз. И всякий раз мучил. Часы летели, беспокойные ночи сменяли друг друга. Чередовались и сны Славушкины. В одном из последних причудилось ему, словно колдун вновь настиг его, но на сей раз жечь огнем он мальчика не стал – придумал более страшное наказание. Он Славушку уменьшил. Наложил свои чары, забубнил, забормотал себе под нос, и начал отрок уменьшаться. Вот уже он ниже всех сверстников в крепости, вот он уже ниже кур, меньше собаки, меньше кошки. Мышь огромная пробежала мимо – чуть было Славушку не зашибла. И все скукоживался он и скукоживался. И уже букашки-таракашки всякие его выше да такие страшные все. Даже мураши комнатные стали казаться мальчику огромными чудовищами, а сам он становился все меньше и меньше. И казалось Славушке, что это никогда не закончится, что так и будет он уменьшаться, пока и вовсе не исчезнет с лица земли. Наконец, стал он таким маленьким, что все-все вокруг казалось ему огромным. В простых предметах нельзя было ничего угадать. Али гора это, али лапоть, али ущелье непреодолимое, али в полу щель... Поднял Славушка свою голову крошечную, посмотрел наверх и увидел, как по миру идет великан огромный, ножищами своими топчет. Пригляделся он и обомлел – никакой это не великан был, то Мареська, сестрица его, по сениям шла. И, естественно, уменьшившегося братца своего она не видела, да и не могла увидеть. Шла Маресья прямо на него и не ведала, что может сейчас непоправимое сотворить, не знала, что вот-вот раздавит она Славушку. Бросился он бежать со всех ног, с пути сестрицы убратся пытается, да только к тому времени он уже настолько маленьким стал, что и ноготочка не успел пробежать. В самый распоследний момент поднял мальчик голову и видит, как огромная пятка сестрицы опускается прямо на него. Еще секунда – и хррррясь!

С криком проснулся Славушка, руки вперед выставляет, защититься пытается.

– Тише, тише, родной... – шепчет Маресья, ручник холодный ко лбу брата прикладывая. – Очнулся? И горазд же ты спать, братец!

– Ты? – простонал Славушка.

– Я, соколик, я. Кому ж еще быть?

Не поверил Славушка в морок. Не могла быть Мареська рядом. Точно помнил он, что погибнуть ему должно было. Уж тот финн и нож свой достал, и зубоскалил ехидно. Как есть – очередной морок колдуна это, а не сестрица. Опять в беспамятство Славушка впал. Правда, на сей раз он уже просто спал, глубоко и крепко. Жар ослабел, лица чуть заметно румянец коснулся. Задышал отрок мерно и спокойно, отпустила его болезнь горячечная. И проспал он так еще один день и ночь целую. А на третий день с момента нападения колдуна Славушка окончательно в себя пришел.

– Пить хочу, – слабым голосом попросил он, заведя подле себя сестрицу.

«Неужто не отходила все это время?»

Утолив жажду, первым делом поинтересовался:

– Давно я тут?

– Три дня уж. Бабка Вайка тебя выходила, а я ей помогала за тобой ходить.

– Портки мои где?

– Нечего тебе, – хихикнула Мареська, – без порток пока лежишь.

Славушка стыдливо прикрылся грубой рогожею, только осознав, что лежал тут нагой целых три дня, а Мареська за ним ходила и убирала. Она ж единственная в ученицы к бабке Вайке попала, кому ж еще.

– Да ладно тебе, – приснула Мареська, ничуть не смутившись, – чего я там не видела? Ты ж со мной в одном корыте плескался, покуда нам зим по восемь не стукнуло.

– И все одно, ты не столько сестрица мне, сколько девица, – пояснил свой стыд Славушка. – Негоже девицам парней видеть.

– А парням?

– А что парням?

– Парням гоже за девицами подглядывать? – продолжала веселиться Мареська.

– И парням негоже, – подтвердил Славушка и тут же пожалел о том, что сказал.

Мареська его уже подлавливала на том, что он с ребятами девок на реке пугал. Сперва подкрадутся к берегу чуть поодаль да вверх по течению. А после поднырнут и промеж девок купающихся вынырнут с криками и улюлюканьем. Эх, и визгу-то от них было, от девок, а после беготня по полдня друг за дружкой. И самое главное, что со стороны брата да сверстников его это была действительно шалость невинная. Парни-то подольше зреют, нежели девки. А вот девицы в такие шуточки иные смыслы вкладывали, о которых Славушка еще и не слыхивал даже.

Ничего Мареська на то Славушке не ответила, понимая, что не время сейчас такие прения устраивать.

– Пойду, за бабкой Вайкой схожу, – подбоченившись, сказала сестрица и почти что вышла в сени, но Славушка ее остановил:

– погоди, Мареська, иди сюда, сядь-ка, – он привстал с лежака, соломы сестре подпихнул, чтобы сидеть не жестко было, и принялся расспрашивать. – Расскажи, я как тут оказался? – обвел помещение глазами и добавил. – И где это – тут?

– Может, после, а? – затянула ломаться Мареська, но Славушка ее за руку взял и потребовал:

– Нет уж, сестрица, я тут уже три дня, а по всему должен был уже рыб кормить. Рассказывай давай, что там было?

– Ну ладно, неугомонный, слушай. Я, как ты велел, до крепости побежала. Сова твоя мне прекрасно путь-дорогу показывала. И да, – Мареська ударила Славушку кулачком в плечо, – жук ты хитрый! «Филарет меня учил, по солнцу...», – передразнила она брата. – Трепло ты, братец! Больше никогда не буду верить тебе. Сова тебя из лесу вывела! Эх, и до чего же она у тебя умная!

Славушка смущенно улыбнулся возмущающейся сестрице и уточнил:

– А сейчас она где?

– А кто ее знает? – пожала плечами Мареська. – Может, охотится, а может, какими другими совиными делами занимается... Правда, каждую ночь к тебе прилетает. Я ее впускаю, она на печи сидит да глаз с тебя не сводит. Странная она. Но умная. Все, что ни скажу, понимает. Я уж третий день ей дивлюсь.

– А где это мы?

– У бабки Вайки ты, во врачевальне. Отец велел еще в ту зиму специальную избу поставить у нее на задах. Он, оказывается, еще той зимой нападения ждал. Никак не думал, что финны летом на приступ пойдут.

– Понятно... – протянул Славушка. – Все-таки то финны были? Угадал я?

– А бес их знает! То ли финны, то ли угры – их, кочевников лесных, не разберет никто. Даже отец такого племени раньше не видывал.

– А было-то что? Добралась ты до крепости, а дальше что?

– Так ты ж не перебивай вопросами глупыми, – насупилась Мареська, – я все правильно да по порядку и расскажу.

– Извини. Продолжай, Маресьюшка.

– То-то же. Так вот, я в крепость, а ворота закрыты. Кликаю стражу, а на башнях никого. И странно так было – стражи нет, ворота подняты, хоть и день-деньской на дворе. Подумала, уже знают про лазутчиков. Побежала в обход, до лаза тайного пробралась...

– А про лаз ты откуда знаешь? – вновь подивился сестре Славушка. Он-то считал, что, акромья него и еще двух верных друзей, никто о том лазе не ведает.

Мареська вновь языком цокнула:

– Про тот лаз уже все дети знают. Одни вы, дурни, считаете, что это тайна великая. Как я, по-твоему, из крепости за порывай-травой бегаю?

Славушка таким вопросом не задавался, а теперь понял – вона как. Мареська же тем временем рассказ свой продолжила:

– Попадаю я, значит, в крепость и первым делом встречаю деда Филарета. Идет писарь понурый, дороги не разбирает, глаз мокрый. Все Филарет бороду на себе рвал. Я ему на глаза попала, а он так и подпрыгнул – решил он, что мы с тобой сгинули в болотах, потому-то шел да убивался. Он ведь, как только понял, что нас не видит, сразу бросился искать да кликать. Потом понял, что мы круто пропали и без помощи уже не обойтись. Вернулся он тогда в крепость, отца нашего кликнул. Тот – дружину в копье. Говорит: «Чтобы Славушка да Мареська вокруг трех сосен заплутали? Быть того не может! Никак колдун или ведунья злая в округе объявились да мороку нагнали». В общем, отрядил отец полдружины с Филаретом лес прочесывать, а сам со своими ратниками поскакал краем леса до озера Бачун. Чего уж он там забыл, я не знаю, но так мне Филарет рассказывал. Вернулись они все под вечер. Уставшие, угрюмые. А тут я прибегаю с новостями важными. Филарет сперва обрадовался, а потом чуть не озверел. Схватил за косу – да к отцу. Отец меня сперва обнял, затем расспрашивать стал. Я ему все рассказала, что ведала. Тогда он меня крепко так за плечи схватил, весь дух вытряс, пока меня, дуру рыдающую, в чувство не привел. Он вывести у меня пытался, где именно переправу вражина наводит. А я-то рассказать не умею, да и карт никаких вы с Филаретом еще не написали. Сказала, что показать могу. Поскрипел отец зубами, поводит желваками да и взял меня с собой. Я им путь и указала.

– А дальше что?

– А то, что успели мы вовремя. У финнов что-то с той переправой не заладилось. Часть из них утопла, а остатки, человек десять, наши ратники вмиг раскидали. А тебя вороги увезти на тот берег хотели, уже к веревке какой-то привязывали. Отец тогда тому финну, что тебя пленить хотел, голову отрубил. Я сама видела, только ты отцу не говори – я обещала глаза держать закрытыми.

– А ты где во время битвы была?

– У Силыча за спиной, на коне его, – Славушка заметил, как густо зарделись щеки сестрицыны.

Силыч, самый молодой да проворный воин в отцовой дружине, всем девицам в крепости нравился. Видать, и Мареська под его очарование попала. Мальчик эту новость про себя отметил, но решил приберечь ее на будущее. Да и не особо важно ему сейчас было, чьим ликом мысли сестрицы заняты.

– Дальше-то что?

– А ничего, – встрепелась Мареська от каких-то мыслей. – Отряд Силыча честно по финнам на том берегу из луков отработал, чуть ли не половину из них перебил. А отец тем временем тебя спас. Уж по пояс в воду забрался, чтобы поймать тебя.

– А с колдуном как?

– С каким колдуном? – ужаснулась Мареська. Было видно, что ей крайне интересно про колдуна разузнать у Славушки. – Не было там никакого колдуна! Я во все глаза за битвой глядела. А ты что видел?

– Ох, сестрица, – тут уже у Славушки появился повод для гордости. – Чего я только не видел. Если знать хочешь, это я тем финнам переправу попортил.

– И как же? – скептически вскинув бровь кверху, спросила Мареська и тут же приложила брата фактом. – Там все рухнуло, потому как дерево, к которому они канаты вязали, треснуло и упало. Не выдержало их веса.

– Сама ты дерево! – обиделся Славушка. – Это я его порезал так.

– Да брось заливать! – не поверила Маресья. – И как же ты это сделал?

И тут Славушку кольнуло – он за все время не спросил за камень свой волшебный. Мареська почуяла, что гложет брата, и успокоила:

– Да взяла я твой соляной камушек, взяла, не волнуйся.

– И как же ты поняла, что его взять нужно? – недоверчиво спросил мальчик. – И почему это он соляным у тебя сделался?

– А вот такая я сметливая да прозорливая, – хитро подмигнула Славушке сестрица. И тут же получила в свой адрес укоризненный клекот совы.

Оба вздрогнули. За беседой не заметили они, как бесшумной тенью сова белая подлетела к окну и села на краешке подоконника. Маресья посмотрела на птицу, потупила голову и призналась:

– Это она мне камень твой принесла. В лапках. Забавно так. Птица – и камни носит. А соляной он, потому что соляной. В прямом смысле. Сам можешь лизнуть. Мы такие камни покупаем у южан и перемалываем для заготовок мяса и рыбы.

Затем Маресья деловито встала между Славушкой и совой и заявила:

– А теперь я с места не сойду, покуда ты мне про эту совушку разумную все не поведаешь. И про камень. И про волка. И про финнов. Всё-всё!

Пришлось мальчику всё сестрице своей рассказать без утайки. Особенно впечатлил Маресью момент, когда сова прямо из воздуха камень соляной на свет явила и Славушке его передала. Сам же отрок акцент сделал на свойствах камня – уж больно впечатлил его тот огненный меч, которым он волка одолеть смог.

– Правда, я так и не смог понять, как именно камнем этим пользоваться, – закончил рассказ Славушка. – Там, на берегу, хотел я именно меч в руках увидеть, а вышла зубочистка какая-то.

– Но та зубочистка с легкостью ствол осиновый перерезала, – возразила Маресья. – Выходит, главное не то, что ты заказываешь у камня, а то, чего ты добиться желаешь.

– Ох, жду не дождусь, когда смогу пользоваться этим камушком в полной мере, – мечтательно глядя в окошко, сказал Славушка. – Тогда-то я и с Ермолки спесь собою, и отцу докажу, что в ратники гожусь.

– Даже и не мысли хвастаться камнем! – запротестовала Маресья. Сова ей тут же клекотом своим поддержку оказала, вроде как согласна была с мнением девочки.

– Это почему же? – удивился Славушка.

– Во-первых, ты не сможешь камень этот у себя сохранить, коль все прознают, какими свойствами он обладает.

– Так и не факт, что камнем этим кто-то, акромья меня, сможет пользоваться, – возразил Славушка.

– Это мы легко проверить сможем, – отмахнулась Маресья. – На мне вот и проверим. Смогу я из него хоть спичку горящую сотворить – значит, любой сможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.